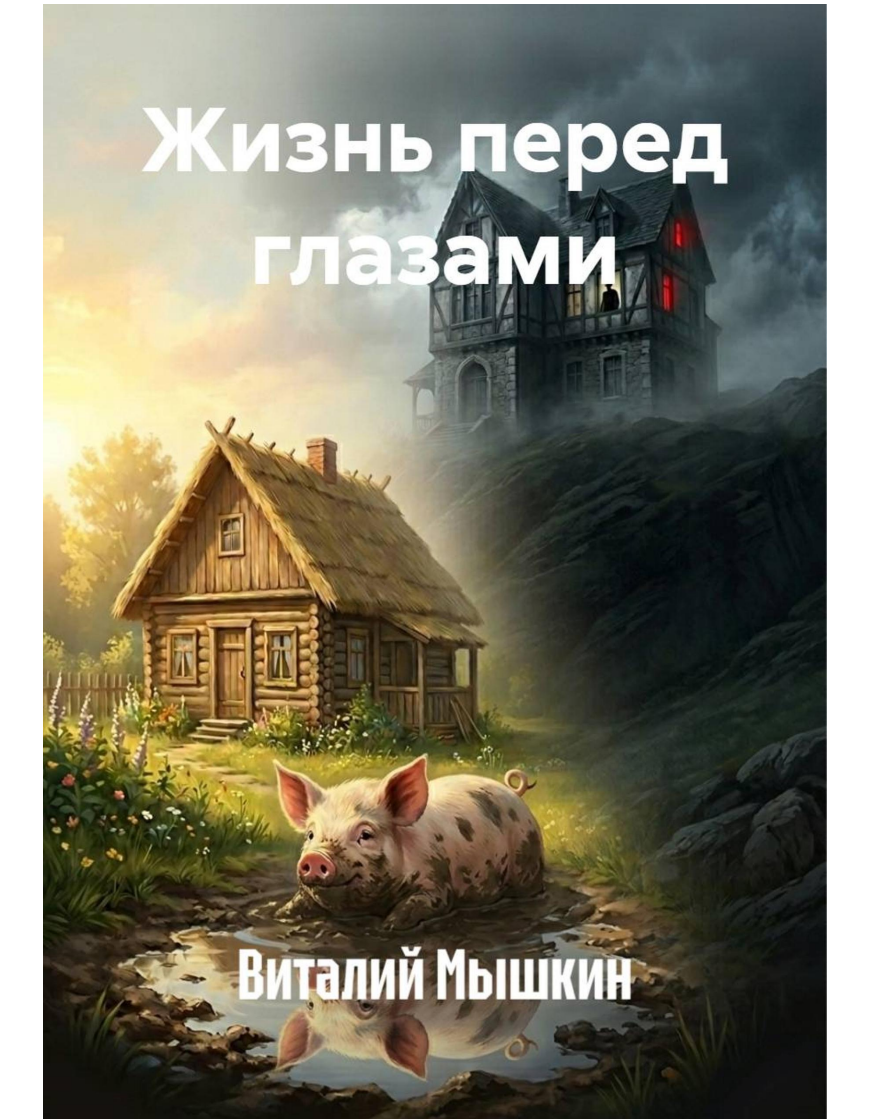

Жизнь перед глазами

The image is a composite illustration. In the foreground, a pig with pink skin and dark spots is lying in a muddy puddle, its reflection visible in the water. Behind the pig is a small, rustic wooden cabin with a thatched roof and a chimney, surrounded by flowers and a fence. In the background, a large, imposing stone tower with a balcony and red lights in its windows sits on a dark, rocky hill under a stormy, dark sky. The overall mood is mysterious and slightly ominous.

Виталий Мышкин

Виталий Мышкин

Жизнь перед глазами

<https://litres.ru/74098603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он искал истину в гниющих фолиантах, в то время как он находил её в грязной луже под старым дубом.

На вершине холма — Учёный, последний безумец в роду, добровольно отгородившийся от света. Внизу, на ферме, живет Поросёнок — наивное, радостное существо. Его дни — череда яблок, солнца и беззаботных игр.

Ему являются жуткие видения: запах старых чернил смешивается с запахом навоза, а чужое, всепоглощающее знание проникает в его сознание, искажая простую реальность.

Готовы ли вы заглянуть в мир, где самая жестокая правда таится в самых невинных глазах?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталий Мышкин

Жизнь перед глазами

Глава 1

Солнце только-только начало припекать, лениво пробиваясь сквозь пышную крону старого дуба, когда Поросенок сладко потянулся в своем соломенном углу. Не то чтобы он действительно потянулся – скорее, его розовое тело просто перекатилось на другой бок с утробным вздохом. Очередное утро. Очередной день, полный великих открытий и, конечно же, грязи.

Поросенок не был каким-то особенным. Он жил в большом деревянном загоне вместе с дюжиной других розовых, визгливых и не менее увлеченных едой сородичей. Все они были на одно лицо, разве что наш Поросенок чуть сильнее других любил зарываться в самые глубокие и грязные места, откуда его потом приходилось вытаскивать с кряхтением. Он был обычным. Ну, почти. Неряха, это точно. И страстный любитель луж.

Поднявшись на свои короткие, но крепкие ножки, Поросенок первым делом протопал к дальнему углу загона. Там, где вчерашний ливень оставил после себя самый настоящий

подарок.

На улице, прямо у дальнего края загона, раскинулась она. Лужа. Не просто лужа, а целое месиво из вчерашнего дождя и свежей земли. Идеальная, бархатистая, обещающая неземное блаженство. Глаза Поросенка, маленькие и черные бусинки, загорелись. Он подбежал к ней, остановился на мгновение, понюхал воздух, убеждаясь, что поблизости нет никого из слишком уж энергичных собратьев, которые могли бы нарушить его утренний ритуал, и плюхнулся.

С визгом, больше похожим на радостное хрюканье, Поросенок перекатился с боку на бок, втирая в свою розовую шкурку прохладную, влажную грязь. Это было лучшее чувство на свете. Грязь защищала от назойливых мух, охлаждала в начинающуюся жару и, что самое главное, позволяла по-настоящему почувствовать себя настоящим, свободным, счастливым.

Его нос рылся в жиже, ища что-то вкусное, его маленькие копытца месили дно. С каждым движением он становился всё грязнее и счастливее. Остальные его собратья, занятые утренней кормежкой или возней друг с другом, не обращали на него никакого внимания. Для них он был просто еще одним поросенком, который любил извозиться в грязи.

Почувствовав, что его шкурка достаточно насытилась благодатной грязью, Поросенок выбрался из лужи, оставив за собой глубокий след в жиже. Теперь он был похож на ходячий кусок земли, но это его ничуть не смущало. Он энергич-

но встряхнулся, разбрызгивая брызги во все стороны, и направился к корыту.

Корыто было наполнено мутной, но вполне съедобной массой. Другие поросята уже всю чавкали, толкаясь и визжа. Поросяенок ловко протиснулся сквозь толпу, пользуясь своей компактностью и некоторой наглостью. Он прорычал что-то вроде "моё!" (на поросячьем языке, конечно) и запустил свой пяточок в самую гущу еды.

Утро продолжалось. Солнце поднималось выше, запахи фермы становились гуще, а Поросяенок был занят самыми важными делами в своей жизни: едой, сном и поиском идеальной лужи. В этом мире, ограниченном стенами загона и ежедневными ритуалами, он чувствовал себя абсолютно счастливым и свободным. Мягкий шелк платья матери скользнул по детской щеке. Запах ее духов – смешение лаванды и старой бумаги. Солнечный луч, пробившийся сквозь витражное окно, раскрасил пылинки в воздухе в крошечные, танцующие звезды. Рука, маленькая и неуверенная, потянулась к пыльному тому на нижней полке. Обложка из потертой кожи, золотое тиснение, неразборчивые символы. Тепло камина и шепот страниц. Шершавый, сухой переплет под детскими пальцами, едва различимый запах чернил, смешанный с ароматом вековой пыли. Мир, полный тайн, ждал своего часа.

Мальчик – худенький, с копной растрепанных темных волос и глазами, которые, казалось, видели больше, чем пока-

зывал внешний мир – провел пальцем по выцветшему корешку. Книга была старой, из тех, что принадлежали его деду, о котором в доме предпочитали не говорить. Она пахла вечностью и чем-то еще – чем-то, что щекотало нос и вызывало странное предвкушение. Мать, погруженная в вышивку у окна, казалось, ничего не замечала. И это было хорошо.

Он осторожно вытащил тяжелый том, опустился на ковер перед камином, где медленно догорали поленья, и открыл наугад. Страницы были испещрены витиеватыми письменами, рисунками странных символов и картами, на которых не было ни одного знакомого ему города. В одном месте, между плотными листами, оказался засушенный цветок – черный, как запекшаяся кровь, с тонкими, ломкими лепестками. Мальчик потрогал его кончиком пальца, и цветок рассыпался в пыль.

Это было не похоже ни на одну из сказок, что читала ему няня, ни на приключенческие романы, что он тайком брал из библиотеки отца. Это было *другое*. Тягучее, манящее, тревожное. Он не понимал ни слова, но сами изображения, замысловатые узоры, казались живыми, шепчущими о чем-то древнем и могущественном. С того дня этот пыльный том стал его тайной, его убежищем, его окном в мир, который он еще только начинал постигать. Он знал, что родители не одобрили бы такого чтения. Но чем больше они не одобряли, тем сильнее его тянуло к этим запретным знаниям.

Его детство протекало в старинном, немного мрачном

особняке, где каждый уголок хранил свои секреты. Слуги двигались бесшумно, а родители, погруженные в свои дела, оставляли мальчика наедине с его книгами и фантазиями. Он рос в тишине, нарушаемой лишь шелестом страниц и скрипом старых досок пола, становясь все более отстраненным, все более поглощенным своим миром – миром, который выходил далеко за рамки стен этого дома.

Однажды ночью, когда луна висела над старым садом как бледный глаз, а тени от ветвей танцевали на стенах его комнаты, мальчик проснулся от странного звука. Это был не скрип дома, не вой ветра. Это был шепот. Он исходил не откуда-то извне, а, казалось, изнутри самой темноты, из глубоких углов его сознания. Шепот был чужим, древним, состоящим из звуков, которые человеческий язык не мог воспроизвести, но которые каким-то образом проникали прямо в мозг, вызывая дрожь, не связанную с холодом. Он чувствовал, как что-то огромное и невидимое наблюдает за ним из-за завесы реальности, что-то, что дремало веками, и теперь его книги, его любопытство, возможно, пробудили его. Страх был не тем, что заставляет бежать, а тем, что парализует, приковывает к постели, заставляя вглядываться в темноту, где нет ничего, кроме теней, и одновременно – *все*. Шепот усиливался, становясь настойчивее, обретая некую форму – не звуков, а ощущений. Мальчику казалось, что его собственные мысли перестали принадлежать ему. В сознании начали мелькать фрагменты образов, которые никогда

не были его: бесконечные звездные бездны, где скользили формы, не поддающиеся описанию; башни, возведенные из черного камня, уходящие в небытие; и холодное, всепоглощающее присутствие, которое не имело ни имени, ни цели, кроме одной — *быть*. Оно не было злым, но было равнодушно к существованию, к жизни, к разуму. Оно просто *было*, и это само по себе было ужасающе. Подушка стала холодной и влажной от пота, легкие свело от невысказанного крика. Он закрыл глаза, пытаясь оттолкнуть непрошенное вторжение, но чем сильнее он сопротивлялся, тем глубже оно проникало. Чувство, что он — лишь крошечная частица в огромном, непостижимом замысле, охватило его, и впервые в жизни он ощутил истинное одиночество — одиночество перед лицом безразличной, чуждой вселенной и он снова удовлетворенно хрюкнул, вымазав усы в остатках корма.

Он протиснулся к забору, прижавшись пяточком к одной из щелей. Отсюда открывался вид на всю ферму: кривая дорожка, ведущая к старому сараю, покосившийся колодец, курицы, снующие по двору, и вдалеке, за пыльной грунтовкой, виднелись крыши домов, принадлежащие тем странным существам, которые иногда приносили им еду, но никогда не пачкались в лужах. Поросенок был доволен своим местом в этом мире.

Он не понимал их суеты, их прямоходящих странностей. Здесь, в своем загоне, с доступом к грязи и еде, он был полностью и несомненно счастлив.

Подростковые годы уступили место зрелости, но для него само понятие «возраст» было лишь абстракцией. Время текло иначе в стенах его особняка, затянутых пылью веков и запахом старой бумаги. Он не старел, а скорее кристаллизовался, превращаясь в чистую эссенцию своей одержимости. Его облик изменился незначительно – та же худощавость, те же глубоко посаженные глаза, теперь еще более пронзительные, но в них затаилась усталость, не от труда, а от постоянного соприкосновения с невыносимым. Он не стриг волосы, они отросли до плеч, придавая ему вид средневекового мудреца или безумца.

Особняк стал еще более заброшенным для внешнего мира, но внутри бурлила скрытая жизнь. Главный зал, когда-то парадный, теперь был завален до потолка коробками и ящиками, полными книг, артефактов и непонятных инструментов. Библиотека разрослась до невероятных размеров, книги громоздились в проходах, на стульях, заполняя каждый свободный сантиметр. Воздух здесь был густым от запаха пыли, плесени и какого-то едкого, металлического аромата – последствия его экспериментов.

Его дни следовали строгому, почти ритуальному расписанию, нарушаемому лишь внезапными прозрениями или приступами одержимости. Пробуждение на рассвете, короткий, почти аскетичный завтрак, приготовленный им самим – всегда одно и то же: овсянка и черный, крепкий чай. Затем – часы, проведенные в библиотеке, где он склонялся над желел-

тевшими пергаменатами, его тонкие, длинные пальцы скользили по древним символам, выискивая крупницы скрытого знания. Он мог забыть о еде на целый день, но никогда не забывал о своих исследованиях.

Его чистоплотность, зародившаяся в детстве, приняла почти обсессивные формы. Независимо от того, сколько пыли он вдохнул или с какой древней грязью столкнулся, его руки всегда были безупречно чистыми, ногти коротко острижены. Его рабочая одежда, состоящая из старых, но чистых рубашек и брюк, казалась островком порядка в океане хаоса. Каждое утро он брился, тщательно, почти медитативно, будто этот ритуал помогал ему сохранять связь с реальностью, которая постоянно ускользала.

Присутствие никуда не делось. Оно стало постоянным спутником, неким эфирным фоном его жизни. Оно не пугало его так, как в детстве, но скорее направляло, иногда болезненно, иногда обманчиво. Он научился отличать его «дыхание» в шелесте страниц, его «взгляд» в тенях, которые становились особенно глубокими, когда Луна смотрела в окна его особняка. Он вел сложные расчеты, строил аппараты из меди и стекла, иногда используя электричество, иногда – что-то, что обычный человек назвал бы оккультным, – все для того, чтобы уловить, понять, прикоснуться к этой непостижимой силе.

Цель его исследований становилась всё яснее: он искал способ выйти за пределы сознания, за пределы собственно-

го ограниченного существования. Он верил, что тело — это лишь тюрьма, а разум — ключ к истинной свободе и безграничному знанию. Древние тексты намекали на такие возможности, и Присутствие, казалось, подтверждало его догадки, подталкивая его все ближе к краю бездны. Он был готов шагнуть в бездну.

Его ночи часто проходили без сна, заполненные чтением или попытками расшифровать очередной фрагмент древнего свитка. Иногда он слышал, как старый особняк вздыхает и скрипит, подстраиваясь под чужие энергии, которые он привлекал. Но он не чувствовал страха, лишь глубокое удовлетворение от того, что он единственный, кто осмеливается заглянуть за завесу. Он жил на грани, балансируя между миром обыденным и тем, что скрывалось под ним. Его соседи в городке на отшибе, если и замечали его, то лишь как странного отшельника, который редко покидает свой полуразрушенный дом, не зная, что в его стенах вершится нечто, что может изменить само понятие реальности. Он был доволен этим. Внешний мир был для него лишь декорацией, неважной и скучной. Все, что имело значение, находилось внутри — внутри особняка, внутри книг, внутри его собственного, все шире открывающегося сознания. Он был архитектором собственного безумия.

Наконец-то! Тяжелый деревянный засов со скрипом отодвинулся. Фермер, чье лицо было смутно знакомо Поросенку по утренним кормежкам, широко распахнул ворота заго-

на. Солнце залило весь двор, и воздух наполнился новыми, манящими запахами — свежей травы, полевых цветов, влажной земли за пределами привычной лужи.

Первыми, как всегда, вырвались самые шустрые, толкась и визжа. Поросенок, не теряя ни секунды, последовал их примеру. Его маленькие копытца стучали по твердой земле, непривычной после мягкой грязи загона, но это было ничуть не хуже. Наоборот! Весь мир вдруг стал огромнее, интереснее, полным неизведанных уголков.

Он бежал, не разбирая дороги, лишь следуя за пьянящими ароматами. Он пробежал мимо курятника, где куры возмущенно закудахтали, мимо старого сарая, откуда пахло сеном и чем-то еще, более тяжелым. Ветер трепал его короткие щетинки, а в пяточок то и дело тыкались незнакомые стельки. Вся ферма была в его распоряжении! Он визжал от восторга, перепрыгивал через маленькие неровности, рылся пяточком в мягкой земле у забора, находя там что-то невероятно вкусное.

Его розовое тело, покрытое засохшей грязью, несло по двору, как маленький снаряд радости. Он подпрыгивал, похрюкивал, наслаждаясь каждым мгновением этой свободы, этого расширения привычного мира. Он был абсолютно счастлив. Не забот не хлопот. Только солнце, запахи и бескрайняя, как ему казалось, свобода большого фермерского двора.

Поросенок остановился у кромки небольшого пруда, по-

росшего осокой. Вода, блестящая на солнце, манила прохладой. Он осторожно опустил пяточок в воду, взбаламутив мелких рыбешек, которые стремительно скрылись в глубине. Вода была чистой, но совсем не такой, как его любимая грязевая лужа. Нет, это было другое удовольствие – просто прохлада, которую можно пить и в которую можно окунуть нос.

Он отвернулся от пруда и устремился к старой яблоне, чьи ветви склонялись под тяжестью еще зеленых, но уже пахнущих плодов. Под деревом земля была усыпана упавшими, чуть подгнившими яблоками. Поросенок немедленно принялся за дело, энергично тыкаясь пяточком в мягкую мякоть. Сладкий, чуть кисловатый вкус наполнил его рот, и он захрюкал еще громче от наслаждения, чувствуя себя настоящим исследователем и добытчиком. День обещал быть лучшим в его короткой, но такой насыщенной поросычьей жизни.

Перемазанный яблочной кашицей, он поднял голову. Вдали, на невысоком холме, над пологими лугами, возвышался одинокий, большой дом. Его окна, казалось, смотрели на мир пустыми глазницами, а крыша, покрытая старой черепицей, скрывалась под покровом дикого плюща. Что-то в этом доме притягивало Поросенка, что-то чужое и незнакомое. Он замер, устремив свой маленький, но удивительно цепкий взгляд в его сторону.

Дом был слишком большим, слишком черным на фоне го-

лубого неба, чтобы просто быть еще одной постройкой на ферме. От него не пахло ни сеном, ни курами, ни даже тем резким запахом, что исходил от старого трактора. Он пах иначе. Или скорее, от него веяло иначе. Не запахом, а чем-то, что Поросянок не мог ни понюхать, ни услышать, ни потрогать, но что каким-то образом касалось его самого.

Внезапно, на мгновение, мир вокруг Поросянка будто бы дрогнул. Солнечный свет на мгновение померк, и краски поблекли, словно кто-то набросил на них серую ткань. Образ дома на холме не изменился, но его восприятие изменилось. Исчезли запахи яблок и свежей травы, уступив место привкусу пыли и старых страниц, ощущению влажного холода, который не был холодом утренней росы. На смену безмятежному пороссячьему покою пришло легкое, почти неуловимое беспокойство, похожее на то, что чувствуешь перед грозой, только источник его был не в небе, а где-то глубоко внутри.

Это было странно. Неуютно. Поросянок потряс головой, мотнул пяточком, будто пытаясь смахнуть с себя это наваждение. Мир тут же вернулся на место: солнце снова засияло ярко, запахи фермы вновь заполнили его пяточок. Дом на холме все еще стоял, одинокий и притягивающий, но теперь он казался просто домом. И все же, что-то изменилось. В глубине его крошечного мозга, там, где только что было чистое, незамутненное счастье, теперь остался крошечный, непонятный отпечаток – предчувствие чего-то чужого, необъятного. Он не мог понять это, но инстинктивно почув-

ствовал, что этот далекий дом, это странное ощущение породило что-то в нем

День клонился к вечеру. Солнце уже не припекало, а ласково согревало спины. Привычный голос фермера прозвучал громко и требовательно, призывая всех обратно. Поросята, набегавшись и наевшись вволю, неохотно, но послушно потрусили к открытым воротам загона.

Поросенок тоже двинулся в сторону загона, перебирая в уме все вкусные места, которые он сегодня исследовал. Он протиснулся сквозь толпу сородичей, которые, как всегда, лезли наперегонки, чтобы занять лучшие места в соломе. Вскоре ворота захлопнулись с привычным скрипом, и засов с лязгом встал на место.

Оглядевшись, Поросенок удовлетворенно хрюкнул. День был полон приключений! Он нашел самые сочные яблоки, попил прохладной воды из пруда, и даже видел тот странный, большой дом на холме. Он повернулся, чтобы поделиться впечатлениями с самым толстым из своих братьев, который всегда был рядом с ним у корыта. Но брата не было. Поросенок оглянулся еще раз. И другого толстого брата тоже. И третьего.

Всего их было трое – самых больших и неуклюжих, с розовыми боками, которые так забавно вибрировали, когда они чавкали. Обычно они всегда возвращались в загон первыми, ведь там ждала вечерняя кормежка. Но сегодня их не было.

Поросенок склонил голову набок, удивленно хрюкнув.

Наверное, они все еще где-то играют. Может быть, зарылись в какую-нибудь особо глубокую лужу или нашли целое поле упавших яблок, о которых он даже не догадывался. Что ж, это их дело. А его дело – это ужин. И он энергично направился к корыту, где уже вовсю чавкали остальные, не обращая внимания на отсутствие своих крупных собратьев.

За окнами особняка ночь стелилась густым, черным покрывалом, поглощая последние отблески заходящего солнца. Луна, едва показавшись над верхушками вековых дубов, уже отбрасывала длинные, зыбкие тени, полные неясных форм. В одной из самых потаенных комнат особняка, глубоко в подвале, где стены были толще, а воздух – неподвижен, горел тусклый, но сосредоточенный свет.

Это была его главная лаборатория, или, как он предпочитал называть ее в своих записях, "Камера Соприкосновения". Комната не знала дневного света, лишь приглушенный отблеск старых керосиновых ламп и пульсирующие вспышки от загадочных приборов озаряли ее мрачное убранство. Повсюду стояли медные колбы, соединенные тонкими трубками, пузырьки с разноцветными, иногда жутко пахнувшими жидкостями, стеклянные сферы, внутри которых, казалось, вибрировал сам воздух. На большом дубовом столе, покрытом царапинами и пятнами от несчетных экспериментов, лежали раскрытые древние фолианты, их страницы были испещрены схемами и символами, многие из которых светились слабым, потусторонним светом, который мог видеть

только он.

Он склонился над столом, его длинные пальцы, безусловно чистые, несмотря на царящий вокруг хаос, с почти хирургической точностью манипулировали тонкими инструментами. Перед ним лежала странная металлическая пластина, выгравированная замысловатыми узорами – не геометрическими, а органическими, будто живыми, сплетающимися в бесконечный лабиринт. На пластине располагались крошечные емкости, в которых что-то булькало, что-то светилось, что-то источало едва уловимый, но отчетливый запах озона и застарелой крови.

Сегодняшний эксперимент был кульминацией многих лет изысканий. Он не искал ни золота, ни философского камня, ни эликсира бессмертия в привычном понимании. Он стремился к совершенно иному – к познанию мира, скрытого от обычных глаз. Он верил, что реальность, которую воспринимает человек, – лишь тонкая завеса, за которой существует бесконечное множество других слоев, других измерений, населенных существами и законами, непостижимыми для человеческого разума. Древние тексты, расшифровке которых он посвятил свою жизнь, намекали на способы увидеть мир под другим углом, открыть каналы восприятия, прорваться сквозь завесу и постичь истину, какой бы ужасной она ни была.

Он набрал в тонкую пипетку каплю темной, почти черной жидкости, которая мерцала слабым фиолетовым светом. Ис-

точник этой жидкости был глубоко скрыт в древних манускриптах, и достать её было труднее, чем найти древние сокровища. С сосредоточенным выражением лица он капнул ее в центр выгравированной пластины. Жидкость зашипела, и узоры на металле вспыхнули ярче. Комната наполнилась низким, вибрирующим гулом, который, казалось, исходил из самых стен, проникая в кости.

Присутствие было здесь. Оно сгустилось, стало почти осязаемым, тяжелым, как холодный туман, но без запаха и формы. Оно было не наблюдателем, а участником, частью самого процесса. Он чувствовал, как его собственное сознание расширяется, касаясь чего-то необъятного, древнего, чего-то, что дремало за гранью всего известного. Он не чувствовал страха, лишь чистый, всепоглощающий экстаз познания. Каждый нерв его тела звенел, каждая частица его мозга была предельно сконцентрирована.

Свет на пластине мерцал, пульсировал, затем медленно угас. Гудение стихло. Воздух в Камере Соприкосновения остался тяжелым, но ничего не произошло. Ни портала, ни прозрения, ни нового ракурса. Очередная неудача. Медные колбы остались холодными, жидкости – неподвижными. Он вздохнул, не разочарованно, но с глубокой, привычной усталостью. За столько лет он привык к таким результатам. Большинство его экспериментов заканчивались ничем, или хуже – пугающими, но бессмысленными вспышками, которые лишь подтверждали, сколь много он еще не знает. Но он не

сдавался. Неудача была лишь шагом к следующей попытке, к новой интерпретации древних символов, к поиску другого компонента, другого угла. Луна за окном его особняка, казалось, насмешливо взирала на его бесконечные старания.

Для этих экспериментов он часто использовал свою кровь, добавляя её в растворы или нанося на символы, как того требовали некоторые древние ритуалы. И хотя он всегда строго следил за стерильностью своих рук и инструментов, спустя некоторое время он заметил, что указательный палец на его левой руке, именно тот, с которого он брал материал для ритуалов, воспалился. Кожа вокруг ногтя покраснела, пульсировала, и при прикосновении чувствовалась острая боль. Обычный человек обратился бы к лекарю, но он лишь равнодушно осмотрел палец... Это было досадной помехой, не более. Он промыл его спиртом, наложил повязку, пропитанную каким-то травяным отваром из своих запасов, и продолжил работу, не обращая внимания на нарастающий дискомфорт. Его цель была слишком велика, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Дни сменялись ночами, но для него они сливались в бесконечную череду часов, посвященных исследованиям. Он забывал о еде, о сне, о внешнем мире, пока его организм не начинал требовать своего с настойчивостью, которую даже его одержимость не могла игнорировать. Именно так произошло и на этот раз. В какой-то момент, прервавшись от изучения очередного свитка, он почувствовал, как желудок

сводит от голода. Он зашел на кухню и открыв шкафы, он обнаружил, что запасы, которые он купил несколько недель назад, иссякли. Остались лишь крошки овсянки и пара засохших чайных пакетиков.

Это было досадной помехой. Ему придется спускаться с холма.

Он не любил покидать особняк. Внешний мир казался ему плоским, скучным, лишенным той глубины и тайны, которую он находил в своих книгах и в Присутствии. Люди, с которыми он мог столкнуться в деревне, были для него лишь тенями, занятыми бессмысленными делами. Но голод был реален.

Надев старое, но безупречно чистое пальто, он вышел из дома. Воздух снаружи был свежим и прохладным, резко контрастируя с тяжелой, застоявшейся атмосферой его лаборатории. Он спустился по заросшей тропинке, которая вела от особняка вниз, к пологим лугам. Его воспаленный палец пульсировал, но он старался не обращать на это внимания, сжимая кулак.

Деревня выглядела так же, как и всегда: несколько домов, небольшая лавка, церковь. Он прошел по главной улице, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Жители, если и замечали его, то лишь бросали быстрые, любопытные взгляды, но никто не осмеливался заговорить с ним. Он был "тем самым странным человеком из старого дома на холме", и это его вполне устраивало.

Засов загона снова был закрыт. Солнце спряталось за деревьями, и над фермой сгущались сумерки. Воздух стал холоднее, а запахи дня, такие яркие и манящие, сменились ночными – влажной землей, остатками навоза и легкой примесью чего-то терпкого, горелого, доносившегося издалека.

Поросенок лежал в соломе, прижавшись к своим сородичам. Он по-прежнему чувствовал себя сытым и довольным после дневных приключений, но что-то было не так. В загоне было тише, чем обычно.

Он поднял пяточок, принюхиваясь. Обычно в это время его братья, те, что были крупнее всех, громко хрюкали, делясь остатками корма или толкаясь за место поудобнее. Но сегодня их не было. Совсем не было. Поросенок осмотрелся еще раз. Нигде. Никто из них не вернулся.

Странное, смутное ощущение, похожее на тот внезапный холод и привкус пыли, что он почувствовал, глядя на дом на холме, снова кольнуло его изнутри, но Поросенок не мог связать его с отсутствием братьев. Нет, их отсутствие вызывало лишь легкое чувство несправедливости. Они, наверное, все еще где-то там, на бескрайнем дворе, или за его пределами, играют в догонялки, роются в самой лучшей грязи, находят самые сочные яблоки. Он даже немножко завидовал. Какое счастье – играть всю ночь!

Холодный ветерок прошел по загону, принеся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.